

Н. Ф. Котляр

ЖЕСТОКИЙ МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: РУСЬ ВРЕМЕН УДЕЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Речь пойдет об одном из наиболее кровавых периодов в истории Руси — о времени удельной раздробленности XII—XIII в. Летописцы ярко и эмоционально описывают разделение Древнерусского государства в XII в. на отдельные земли, княжества и уделы, гневно осуждая его. Оно ознаменовалось нескончаемыми и ожесточенными «которами» (сварами) среди князей и бояр и настоящими межкняжескими войнами, когда брат шел на брата, а сын покушался на престол отца. Пылали города и села, гибли многие тысячи русских людей, а кочевники, побуждаемые отсутствием единства военных сил Руси, почти ежегодно вторгались в ее пределы, грабили ее земли, села и города, убивали многие тысячи мирных людей, уводили в плен крестьян и горожан.

Уже под 1134 г. новгородский летописец, весьма удаленный от драматических событий в ядре государства, вокруг стольного града Руси, но тем не менее прекрасно осведомленный о содержании и смысле тамошних событий, с горечью отметил: «А Изяславъ (Мстиславич. — Н. К.) иде Киеву; и раздрася вся земля Русьская»¹. В этом контексте глагол «раздрася» означает «разорвалась», в данном случае — разделилась, раздробилась, вступила в полосу смуты. Речь идет о стремлении старшего сына Мстислава Великого добыть себе долю в южной Русской земле, и это послужило одним из толчков к наступлению удельной раздробленности.

Минет около ста лет, и другой, уже галицкий, летописец с тоской отразит смуту, продолжавшую господствовать и набирать силу на Руси: «Начнемъ же сказати бецисленьныя рати, и великія труды, и частыя войны, и многыя крамолы, и чыстая въстанія, и многыя мятежи...»². Разделявшие эти два текста почти сто лет пролетели в практически непрерывных межкняжеских войнах и стычках, мятежах бояр против своих князей, строительстве крепостей и замков и осаде их соперниками, активизации городского населения (бюргерства) в социальной и политической жизни страны. Рассмотрим же и мы историко-эмоциональную сторону раздробленности, пройдя страницами основных южнорусских летописей: Киевского свода XII в. и Галицко-Волинского XIII в.

Причиной ослабления политического и социального единства Руси в XII в. стала, на мой взгляд, разрушительная в отношении государства деятельность князей-изгоев. Вопреки

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 23.

² Галицко-Волинський літопис / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 89.

распространенному мнению о решающей роли землевладельцев-бояр в раскручивании колеса раздробленности в государстве вижу один из основных факторов ее наступления именно в деятельности Рюриковичей. Долгое время князья были должны довольствоваться родовым правом «лествичного восхождения», когда земли и прочее добро передавались от старшего брата к следующему по времени рождения. Младшее же поколение (сыновья, племянники, внуки) не участвовало в этом процессе, многие из них чувствовали себя обделенными и протестовали против такого порядка, часто берясь за оружие. Это были князья-изгои, внуки Ярослава Владимировича Мудрого.

Думаю, что проведение в жизнь отчинного принципа унаследования земли и движимого имущества было одной из важнейших причин наступления удельной (феодальной) раздробленности на Руси. Ведь «Ряд» Ярослава 1054 г. не оправдал надежд князей-изгоев. В нем были упомянуты лишь сыновья великого князя. Вероятно, особенно был уязвлен его старший внук Ростислав, сын старшего сына государя Владимира. Ему не досталось ничего из отцовского наследия, если судить по летописи. М. С. Грушевский и другие предполагали, будто он получил от деда часть территории будущей Галицкой земли — то, что на Любечском съезде было закреплено за его сыновьями Володарем и Васильком³. Если это было так, тогда почему Ростислав в 1064 г. силой захватил Тмуторокань, где сидел сын Святослава Ярославича Глеб? В следующем году Святослав силой вернул Глеба в Тмуторокань, но Ростислав вновь выгнал его и утвердился в городе. А в феврале 1066 г. его отравил византийский наместник Херсона⁴. Допускаю, что это было совершено по наущению Святослава. В дальнейшем мы видим в Тмуторокани сыновей Святослава Романа и Олега.

В 1057 г. умер младший сын Ярослава Вячеслав, но его сын Борис не получил ничего из отцовских владений. Через три года скончался Игорь Ярославич, и его дети также стали безземельными изгоями. Полку изгоев прибыло после смерти Святослава Ярославича в 1076 г., три года просидевшего на киевском столе. Его девятеро сыновей в одночасье превратились из наследников киевского стола в бесправных изгоев. Особенно остро переживал свое социальное падение второй по рождению Святославич — Олег. Он одним из первых среди поколения изгоев второй половины 70-х годов XI в. взялся за оружие, поднявшись против самого великого князя киевского.

Другой изгой Борис также пытался вернуть себе отчину — Смоленскую землю. Весной 1077 г. он ненадолго захватил Чернигов, но был выбит оттуда Всеволодом и бежал в Тмуторокань, где сидел другой изгой Роман Святославич. Это стало началом масштабной борьбы изгоев против Всеволода Ярославича, развернувшейся в 1078 г. Сначала Олег и Борис с помощью половецкой орды разбили Всеволода и захватили Чернигов. Всеволоду помог старший брат, киевский князь Изяслав. Вместе они 3 октября 1078 г. в кровопролитной битве на Нежатиной Ниве вблизи Чернигова наголову разгромили войско племянников. В битве полегли киевский государь и Борис, Олег же с кучкой дружинников бежал в Тмуторокань. Великим князем киевским стал Всеволод⁵. Опираясь на сына Владимира Мономаха, он принял меры к усмирению изгоев. Роман Святославич с дружиной пошел на Киев, но не преуспел, и на обратном пути в Тмуторокань его убили нанятые им половцы (скорее всего, по наущению Всеволода). В том же 1079 г. Олег был схвачен хазарами и отослан в заключение в Византию. Однако все эти меры не давали власти должного эффекта. Активизировался старший среди изгоев, сын брата Всеволода Изяслава Ярополк. Он вскоре погиб в походе против других изгоев, галицких Ростиславичей⁶.

³ Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1999. С. 109–110. См.: Грушевський М. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 46.

⁴ Повесть временных лет. С. 71–72.

⁵ Там же. С. 85–86.

⁶ Там же. С. 87–88.

Отчинный порядок престолонаследования подрывал саму идею и практику единовластной монархии, вел к ее экономическому и структурному ослаблению. Пока был жив Всеволод, а Мономах был мечом в его руках, изгои были в основном им покорны. Но кончина Всеволода в 1093 г. вызвала новую волну усобиц. И взметнули ее, как и прежде, изгои. Придерживавшийся родового порядка занятия столов («лествичное восхождение»), Владимир после смерти отца уступил киевский стол старшему Ярославичу — Святополку Изяславичу, сидевшему ранее в глухом и провинциальном Турове, на краю Киевской земли⁷. Это подтолкнуло к решительным действиям Олега Святославича, давно вернувшегося из Византии и ждавшего своего часа. Он потребовал у Мономаха отчий Чернигов и с помощью половецкой орды в 1094 г. получил его⁸. Подняли головы и другие недавние изгои.

Между тем эти изгои к тому времени обзавелись волостями и перестали быть безземельными Рюриковичами. Иное дело, что почти все они были недовольны имеющимися землями и претендовали на лучшие. Любечский съезд 1097 г. уравниал бывших изгоев в правах с прочими Рюриковичами. Но время от времени они по-прежнему предъявляли претензии на те или иные земли (Давид Игоревич, после съезда ослепивший Василька и пытавшийся отнять у него Тербовольское княжество). Неэффективность действий власти в отношении изгоев, политика то задабривания, то подавления и устрашения ослабляла государство.

К сожалению, почти все процессы, явления и факты социальной и политической жизни Руси в первой трети XII в. скрыты под спудом летописного текста. А тогда происходили очень важные события. В Галицкой земле укрепились галицкие Ростиславичи. В течение этого времени Ольговичи с Давидовичами овладели громадной Чернигово-Северской землей, и это упрочило их экономически, социально и политически, позволив соперничать с не достижимыми ранее Мономашичами. Младшее поколение Ярославичей составило земельные кланы, оформившиеся к середине 40-х годов XII в. (Мстиславичи, смоленские Ростиславичи, собственно Мономашичи, Ольговичи, Давидовичи, галицкие Ростиславичи)⁹.

Последним изгоем оказался сидевший во Владимире Вольнском Ярослав Святославич, возмущившийся решением Мономаха (киевского князя с 1113 г.) перевести из Новгорода поближе к Киеву старшего сына Мстислава. Его выступление было подавлено Владимиром Всеволодичем¹⁰. Но, став киевским князем, сам Мономах отказывается от «лествичного восхождения», желает закрепить стольный град во владении своих потомков. Следовательно, борьба изгоев за отчины в общественном мнении, а затем и в правовом плане привела к успеху.

Правда, до поры они соревновались лишь за областные столы, о Киеве речь не шла. А в Киеве после Мономаха сел его старший сын Мстислав, который по родовому праву был младше своих двоюродных братьев Ольговичей и Давидовичей. Младший брат Мстислава Ярополк, княживший в Киеве до 1139 г., с каждым годом ощущал возрастающее давление чернигово-северских князей, которые ни на миг не забывали о том, что они прямые наследники Святослава Ярославича, сидевшего в Киеве в 1073—1076 г. После смерти Ярополка (1139 г.) в стольном граде вокняжился было его младший брат Вячеслав, но его силой вытеснил из Киева сын Олега Святославича Всеволод¹¹. Его краткое (1139—1146 г.) княжение ознаменовалось борьбой в кланах Ольговичей и Давидовичей за волости и старшинство.

После смерти Всеволода Киев захватил энергичный внук Мономаха Изяслав Мстиславич¹², впервые провозгласивший и проведенный в жизнь принцип унаследования главного

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ См., например: *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 121.

¹⁰ Повесть временных лет. С. 129.

¹¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 217.

¹² Там же. С. 230—233.

русского престола от отца к сыну. Он овладел Киевом в обход своих дядьев Вячеслава и Юрия и решительно отрицал права на него других ветвей Рюриковичей — Ольговичей и Давидовичей. Началась первая на Руси гражданская война (1146—1151 г.), ознаменовавшая наступление удельной раздробленности Древнерусского государства.

В исторической литературе начало удельной раздробленности обычно относят к 40-м годам XII в. Тогда обострилось противостояние нескольких княжеских кланов, сначала Мономашичей и Ольговичей, а в процессе этого противостояния выделились новые кланы сыновей Мстислава Владимировича — Мстиславичей во главе со старшим его сыном Изяславом и Ростиславичей, возглавляемых младшим братом последнего Ростиславом. Собственно Мономашичи обосновываются во Владимиро-Суздальской земле, их представляли старший среди сыновей Владимира Всеволодича Вячеслав и его брат Юрий по прозвищу Долгорукий. Это противостояние вылилось в первую на Руси гражданскую войну 1146—1151 г., начатую в стане Мономашичей-Мстиславичей (борьба вокруг Киева и общерусской власти между Изяславом Мстиславичем и Юрием Владимировичем), в которую были вовлечены практически все тогдашние члены дома Ярославичей.

Однако начало дробления государства, на мой взгляд, следует отнести к середине 30-х годов XII в., когда после кончины старшего сына Мономаха Мстислава (1132 г.) на киевский стол сел его брат Ярополк, человек, по-видимому, лишенный качеств, необходимых для правителя громадного государства. Свои претензии на Киев и власть в стране тогда начали проводить в жизнь Ольговичи, потомки Святослава Ярославича.

Впрочем, все началось в стане самих Мономашичей. В 1135 г. Юрий Владимирович, сидевший в далеком Ростово-Суздальском княжестве¹³, «испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дасть Суздаль и Ростовъ и прочюю волость свою», но с этим не смирились Ольговичи. Всеволод¹⁴ же с братью своею... поидоша воююще села и городы Переяславской власти и люди стѣкуще, даже и до Киева придоша¹⁵. Едва ли не впервые русский князь Ярославич разоряет и грабит русскую волость, убивает множество горожан и крестьян, отстаивая свои эгоистические интересы. Вот с этого знаменательного и печального факта начинаются кровавые события, ознаменовавшие приход удельной раздробленности на Русь.

Ярополк Владимирович вынужден был удовлетворить территориальные притязания Ольговичей, в это время уже выступавших сплоченным единым кланом. В следующем году «вда Ярополкъ Олговичемъ отчину свою¹⁶, чего и хотѣли. И тако утиши благоумный князь Ярополкъ брань ту лютую»¹⁷. Однако «утишил» Ярополк Мономашич «лютую брань» и ее зачинщиков Ольговичей совсем ненадолго. Политическое и социальное положение в стране оставалось взрывоопасным. Всеволод с братьями затаились и выжидали кончины Ярополка.

После его смерти (1139 г.) в Киеве вокняжился было следующий по старшинству Мономашич Вячеслав. Как проясняет ситуацию киевский книжник, Всеволод узнал о кончине Ярополка, пробрался с братом Святославом в киевский городок Вышгород, расположенный совсем близко от стольного града. Не вступая в переговоры, «поиде Всеволодъ Олговичъ из Вышегорода къ Киеву, изрядивъ полкы, и пришедь ста у города в Копыревѣ конци, и нача зажигати дворы» в этом окраинном районе столицы. В дело вмешался митрополит, убаженный, наверное, Ольговичами, и велел Вячеславу передать Киев Всеволоду Ольговичу. Вячеславу

¹³ В котором он княжил до 1132 г.

¹⁴ Ольгович, глава клана.

¹⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 213.

¹⁶ «Часть» в южной Русской земле, которой распоряжался в то время великий князь киевский.

¹⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 215.

пришлось уйти в свой домен Туров, а Всеволод в начале марта 1139 г. вокняжился в стольном граде Русского государства¹⁸. Так насильственным путем был свергнут глава династии Мономашичей с общерусского престола.

Очутившись на киевском столе, Всеволод Ольгович, вдохновленный неожиданно легкой уступкой Мономашичами Киева, решился распространить свою власть и на Переяславль, ключевой город при овладении киевским столом, оспаривая тем самым право потомков Владимира Всеволодича владеть волостями в южной Русской земле. Он «хотѣ выгнати Андрѣя¹⁹ (из Переяславля), а брата своего посадити, Андрѣви рекуче: “Курьску изволи ити”»²⁰. Но Андрей решительно отказался оставить свою отчину, разбил и отбросил войско Всеволодова брата Святослава. Всеволоду пришлось мириться с Мономашичем²¹. Возмущенный требованием Всеволода Андрей изрек: «Не дивно нашему роду такоже и переже было: Святополкъ про волость не уби (ли — Н. К.) Бориса и Глѣба? А самъ чи долго поживе?»²².

После смерти Андрея, последовавшей в 1142 г.²³, в Переяславле сел его младший брат Вячеслав, что было принято Всеволодом. Но братья Всеволода Игорь и Святослав потребовали у него богатых волостей, а получили какие-то четыре городка, даже не названные в летописи. Они рассорились с братом и «поѣхаша от Киева къ Переяславлю ратью». Всеволод был вынужден защитить Вячеслава, послав ему на помощь войско с союзными печенегами²⁴. В отместку за дядю Изяслав и Ростислав Мстиславичи «повоевали» волости Ольговичей возле Гомеля и Чернигова²⁵...

Так развернулась кровавая круговерть взаимных обид, наездов, вооруженных конфликтов и настоящих войн между членами многочисленного рода Ярославичей. Может показаться удивительным то обстоятельство, что киевские летописцы в большинстве случаев не ужасаются внутренним войнам на Руси, привыкают к ним, стоически воспринимают их как данность, если и становясь на сторону одного из участников «которые», то вовсе не потому, что признавали его правым, а из-за того, что в силу тех или иных обстоятельств симпатизировали этому князю (обычно служили ему прямо или опосредованно). Лишь изредка летописцы вкладывают в уста князей призывы сплотиться против внешнего врага и отказаться, пусть на время, от «котор». Да выглядят эти призывы неубедительными.

В разгар межусобной войны между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким (1148 г.) чернигово-северские князья Ольговичи и Давидовичи попросили помощи у Юрия против Изяслава, но не получили ее. Тогда они «послаша послы свои къ Изяславу Мъстиславичю, ищюще мира, и тако рекуче: “То естъ было преже дѣдъ нашихъ и при отцихъ нашихъ, миръ стоять до рати, а рать до мира”». Оправдываясь перед Изяславом Мстиславичем за военные действия против него обидой за брата Игоря Ольговича²⁶, они призвали его мириться ради Русской земли («а мы доколѣ хотимъ Рускую землю губити? А быхомъ ся уладили»)²⁷. За этими высокими словами стоит прозаическая причина: оказавшись в безвыходном положении, чернигово-северские князья наконец вспоминают о благе Русской земли.

Точно так же через три года, когда выяснилось, что их союзник Юрий Долгорукий проиграл войну Изяславу Мстиславичю, Ольговичи решают мириться с Давидовичами и

¹⁸ Там же. С. 217.

¹⁹ Сына Мономаха.

²⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 218.

²¹ Там же. С. 218–219.

²² Там же. С. 219.

²³ Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ренн, 1991. Ч. 1. № 117. С. 58.

²⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 222–223.

²⁵ Там же.

²⁶ Сброшенного Изяславом с киевского стола.

²⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 256.

посылают к главе их клана Изяславу, произнеся сакраментальные и вновь неискренние слова: «Брате! Миръ стоит до рати, а рать до мира; а нынѣ, брате, братья есмы собѣ, а прими насъ к собѣ», на что Изяслав Давидович ответил согласием²⁸. А далее речь пошла о вещах и вовсе прозаических: обмене земельными владениями. Поэтому нельзя всерьез воспринимать призывы к миру чернигово-северских (да и других, не названных мною) князей, они диктовались сугубо тактическими соображениями, да никто из них и не собирався следовать этим призывам.

Через полвека после начала вызванных раздроблением государства межкняжеских ссор и войн безымянный певец «Слова о полку Игореве» с талантом и поразительной эмоциональной силой отразит ужасы и смерти, принесенные раздробленностью, обратившись к ее предвестнику, Олегу Святославичу:

«Тогда, при Олзѣ Гориславличи | сѣяшеться и растяшеть усобицами, | погибашеть жизнь Дажьбожа внука²⁹; | въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратишась. | Тогда по Руской земли рѣтко ратаеве кикахуть, | но часто врани граяхуть, | трупиа себѣ дѣляче, | а галици свою рѣчь говорахуть, | хотять полетѣти на уедие»³⁰.

Горького апофеоза достигли княжеские раздоры и столкновения княжеских кланов в начале 1169 г., когда коалиция князей, в которой одну из главных ролей сыграл черниговский клан Ольговичей, штурмом, словно вражеский город, взяла Киев и разграбила его, убив множество мирных жителей, священников, монахов, мужчин, женщин и даже младенцев: «Взять же бысть Киевъ мѣсяца марта в 8-е... и грабиша за 2 дни весь град, Подолье и Гору, и монастыри, и Софью, и Десятинную Богородицю, и не бысть помилования никому же ниоткуда»³¹. С потрясающей силой летописец передает впечатления очевидца. Горели церкви, русские воины убивали христиан, жен уводили в плен, младенцы рыдали, видя в беде матерей своих. Разграбили церкви, ризы, иконы, книги и даже колокола унесли князья под предводительством сына Андрея Боголюбского Мстислава. Сожгли священный для всех русских Печерский монастырь³². Трудно избавиться от впечатления, что летописец отразил вражеское нашествие каких-то диких людей на стольный град Руси. Самую сущность происходившего тогда на Руси лаконично выразил автор «Слова о полку Игореве» в образе одного из злых гениев Русской земли накануне раздробленности: «Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше | и стрѣлы по земли сѣяше»³³.

Княжеские раздоры и военные столкновения сопровождались гибелью многих тысяч людей, разорением и сожжением городов и сел. При этом князья не делали разницы между имуществом своих родственников Ярославичей, их дружинников и горожан с крестьянами. В 1146 г. Изяслав Мстиславич вокняжился в Киеве, сбросив при помощи горожан со стола Игоря Ольговича. Самого Игоря заточили в монастырь святого Иоанна, а затем «розѣграбиша кияне съ Изяславомъ дома дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, взяша имѣнья много в домехъ и в монастырехъ»³⁴. Речь шла о монастырях, находившихся под опекой Ольговичей.

Даже степные хищники, несшие смерть и разрушение южнорусским землям, ужаснулись содеянному людьми Изяслава Мстиславича: «Слышавше половецѣстии князи створившеся надъ Игоремъ, прислашася ко Изяславу мира просяче»³⁵ — надо думать, мира на Руси.

Пятилетняя межусобная война 1146—1151 г. ознаменовалась наездами князей друг на друга, смертями их дружинников, а преимущественно горожан и крестьян, бывших разменной

²⁸ Там же. С. 307.

²⁹ Древние русичи считали себя детьми и внуками языческого бога Солнца Дажьбога.

³⁰ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 16.

³¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 372—373.

³² Там же. С. 373.

³³ Слово о полку Игореве. С. 15.

³⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 233.

³⁵ Там же.

картой в этом безумии. Летописцы внешне беспристрастно отражают эти кровавые события, лишь изредка раздражаясь возмущением (отражая, видимо, мнение большинства народа). Даже вызывавшие симпатии у книжников государи совершают поступки, не совместимые ни с княжеским достоинством, ни с христианской моралью.

Один из главных героев Киевской летописи Изяслав Мстиславич (ему в ней посвящена апологетическая Повесть, занявшая большую часть этого свода) воевал с Ольговичами и «взяша Всеволожь градъ на щитъ» — штурмом, словно вражеский город. Затем им были взяты многие черниговские города, население которых не успело убежать от его воинов. «Изяславъ же повелѣ зажечи грады ты»³⁶. В следующем году «нача Изяславъ молвити: “Се есмы села ихъ (Ольговичей. — Н. К.) пожгли вся, и жизнь (добро. — Н. К.) ихъ всю... а пойдѣмъ к Любчю (городу Любечу. — Н. К.), идеже ихъ есть вся жизнь”»³⁷. Речь шла об элементарном грабеже. Приходится признать, что русские князья в очень многих случаях вели себя на своей земле хуже половцев и, быть может, немногим лучше монголов, завоевывавших Русь в 1137–1141 г.!

И последующие годы XII в. ознаменовались почти непрерывными межкняжескими столкновениями, битвами и войнами. Вот лишь несколько фактов 40-х и 50-х годов, отмеченных киевскими книжниками. В 1148 г. Изяслав и Ростислав Мстиславичи воюют земли Юрия Долгорукого, жгут города и села, о чем невозмутимо пишет летописец³⁸. В 1152 г. Изяслав велел разграбить в Перемышле загородный дом своего соперника и союзника Долгорукого Володимирика Володаревича Галицкого³⁹. В отместку Юрий Владимирович решает разорять и жечь земли Мстиславичей и Ростиславичей: «Оже есте мой Городецъ пожгли и божицю, то я ся тому отъожгу противу»⁴⁰.

Но не только волости Долгорукого жгут и грабят Мстиславичи с Ростиславичами. В 1157 г. сын Изяслава Мстиславича Мстислав «еха изъѣздомъ на стрья своего на Володимира Володимирию. И я жену его и мать его, и всадивъ и на возы везе я, Лучьску посла, а стрый его Володимеръ утече Перемышлю, и дружину его изограби, и товаръ (добро. — Н. К.) весь отья...»⁴¹. Мстислава не смутило то обстоятельство, что Владимир Мстиславич был родным братом и верным соратником его отца. В том же году Мстислав разграбил дружину союзника своего отца Изяслава Давидовича, «зая товара много Изяслави дружины, золота и серебра, и челяди⁴², и коний, и скота, и все провади Володимирию»⁴³. Между тем Мстислав Изяславич в глазах киевского летописца был образцом человека чести, рыцарственности и смелости!

Нападения князей друг на друга, несоблюдения ими союзных и прочих соглашений, нарушения клятв сопровождают историю Древнерусского государства вплоть до конца его существования. В 1160 г. соперник Ростиславичей Изяслав Давидович вкупе с ханами воюет Смоленскую волость, «и тамо много зла створиша половци, взяша душу более тмы (тысячи), а иныя изсѣкоша»⁴⁴. Можно было бы умножить число примеров жестокости и близорукости князей, губивших свою страну и убивавших множество невинных людей, но я ограничусь сентенцией А. Е. Преснякова: «Киевское старейшинство пало, так как процесс децентрализации жизненных интересов земель-волостей, составлявших Древнюю Русь, взял верх над их объединением вокруг Киева; и горький плач черниговского поэта⁴⁵, что никто из князей не

³⁶ Там же. С. 252.

³⁷ Там же. С. 254.

³⁸ Там же. С. 260.

³⁹ Там же. С. 310.

⁴⁰ Там же. С. 314.

⁴¹ Там же. С. 333.

⁴² Следовательно, в рабство обращали своих, русских людей.

⁴³ Летопись по Ипатскому списку. С. 344.

⁴⁴ Там же. С. 348.

⁴⁵ Имеется в виду автор «Слова о полку Игореве».

слышит призыва вступить в “златъ стремя” за землю Русскую, прозвучал надгробным словом уходящей в прошлое старине»⁴⁶.

Естественно думать, что дружинники и бояре были пособниками своих князей в грабежах, жестокостях и убийствах всех и вся, но летописи обычно оставляют их в тени своих господ. Исключение составляет Галицко-Волынский свод, с яростной силой обличающий галицких бояр, препятствовавших своим князьям в деле консолидации страны и даже умышлявших на их жизнь. Впрочем, некоторые сведения об этом содержатся в его предшественнике, Киевской летописи XII в.

Историки издавна отмечали необыкновенные, ни с кем не сравнимые силу и наглость галицких бояр, противостоявших своим князьям и стремившихся поставить их под свою власть. Эту свою силу они продемонстрировали в событиях, отраженных в летописи под 1173 г.

В свои зрелые годы галицкий князь Ярослав Владимирович (1152–1187 г.) влюбился и потерял голову. Его избранницей стала молодая и, можно думать, прекрасная Анастасия из боярского рода Чагров. Этот род был новым и незнатным, поэтому какое-то время галицкие великие бояре пренебрегали им, но дальше воспринимали его уже с опаской и ненавистью, убедившись в том, что многочисленные и деятельные Чагры выдвигаются на первые роли в княжеском дворе, прибирают к рукам придворные должности, земли и богатства. Главное же — княжескую благосклонность и ласку. Так родился заговор в среде ближних бояр государя, и летопись застаёт его уже на заключительном этапе.

Трудно сомневаться в том, что супруга Ярослава княгиня Ольга давно уже знала о существовании соперницы. В 1170 г. она демонстративно бежала от мужа вместе с сыном Владимиром, на которого князь, видимо, перенес нелюбовь к его матери, как покажут развернувшиеся в Галиче почти через 20 лет события: «Выбѣже княгини Ярославля изъ Галича въ Ляхи, съ сыномъ с Володимиромъ, и Кстытинъ Сѣрославичъ⁴⁷ и мнози бояре с нею быша тамо 8 мѣсяций»⁴⁸. Это был сигнал для недовольных государем великих бояр в Галиче, которых возглавил неведомый науке Святополк, по мнению некоторых историков, служебный князь Ярослава Владимировича.

Далее случилась невиданная на Руси вещь: бояре взяли под стражу своего князя и принудили его покориться силе. Бояре-победители присылают ко княжичу Владимиру радостную весть: «Поѣдь стряпать (спешно. — Н. К), отца ти есмы яли, и приятели его Чагрову чадъ избилѣ; а се твой ворогъ Настасъка». Далее «галичане», т. е. бояре, сожгли на костре Анастасию Чагровну («накладъше огонь сожгоша»), ее сына Олега взяли под стражу, а «князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въправду (!), и тако уладившеся»⁴⁹.

Эта грустная история с диким и незаконным сожжением молодой женщины отражает не столько семейные распри князя Ярослава, сколько ожесточенную и безжалостную борьбу за власть и преобладание при княжеском дворе Галича между разными боярскими группировками, общее стремление боярства держать государя в своих руках.

Гораздо больше известий о галицком боярстве, его роли в социальной и политической жизни своей земли содержит Галицко-Волынская летопись, апология сильной княжеской власти, олицетворяемой Даниилом Романовичем и его братом Васильком. Бояре пытались избавиться от Романовичей, звали в князья Рюриковичей со стороны. Уже на первых страницах Галицко-Волынской летописи содержится известие о том, что их отец выгнал из княжества

⁴⁶ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 93.

⁴⁷ Один из лидеров боярской оппозиции Ярославу Владимировичу в Галиче.

⁴⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 384.

⁴⁹ Там же. С. 385.

могущественного боярина Владислава Кормильчича: «славяху (он. — Н. К.) бо Игоревича»⁵⁰. Речь идет о попытках великого галицкого боярства противопоставить Роману Мстиславичу князя из семейства черниговских Ольговичей, одного из сыновей героя «Слова о полку Игореве» Игоря Святославича.

После гибели Романа в Польше в июне 1205 г. подавленная им было боярская оппозиция вышла из повиновения его вдове Анне, оставшейся с двумя малолетними сыновьями Даниилом и Васильком. Ей придется перебраться из враждебно-боярского Галича в мужнин Владимир, но и там она не найдет прибежища и покоя⁵¹. Тамошние бояре, ранее ползавшие на коленях перед ее грозным и самовластным мужем, склоняются к мысли о выдаче княгини и детей пришельцам из Черниговской земли Игоревичам. Анна с детьми бежит за границу. Начинается долгая одиссея скитаний малолетних Романовичей (этим общим именем галицкие книжники будут называть Даниила и Василька в течение всей их жизни) по чужим мирам. Завершая поэтический панегирик Роману Мстиславичу, галицкий книжник восклицает: «Велику мятежю вѣставшю въ земли Руской, оставившима же ся двѣма сынома его, единъ 4 лѣта, а другыи двѣ лѣтѣ»⁵².

Но если владимирские бояре в основной своей массе остались верны Роману Мстиславичу и его семье, то галицкие в течение последующих сорока лет будут неустанно бороться против сыновей своего недавнего сюзерена, стремясь всеми способами не допустить их возвращения в Галич и княжество. Несколько раз в 1211–1244 г. Даниил будет овладевать Галичем, опираясь на бюргерство Галича, нарождавшееся дворянство и свою дружину, но будет вынужден оставлять город и отправляться в свою отчину Владимир-Волынский...

Галицкие боярские олигархи чувствовали себя подлинными хозяевами земли и соответственно вели себя в быту. Они жили в роскоши, носили изысканную иноземную одежду и обувь, были обвешаны золотыми цепями и прочими украшениями, ездили на дорогих лошадях, привозимых из Венгрии и других западных стран, их оружие было скорее ювелирными изделиями, чем средствами защиты и нападения. Бояре строили себе не то что дворцы, а настоящие замки. В городке Судовая Вишня возле Львова археологи раскопали хорошо укрепленный феодальный замок, куда бояре Молибоговичи в 1230 г. решили заманить Даниила Романовича, чтобы убить его.

Галицко-Волынская летопись ярко отразила этот эпизод, бывший в ряду многих покушений на жизнь и достоинство галицко-волынского государя: «Крамолѣ же бывши въ безбожныхъ боярехъ галицкихъ, а съвѣтъ сътворше съ браточядиемъ его Олександромъ⁵³ на убиение и предане земли его». Лишь случай спас Даниила: его брат Василько обнажил меч и вступил в шуточный поединок с одним из слуг. Это так испугало трусливых Молибоговичей, что они в панике бежали, «яко и оканный Святополк»⁵⁴. Состоялось еще несколько боярских заговоров против Романовичей, имевших целью не только их убийство, но свержение с престола и замену их удобными боярам князьями.

Боярский замок в Вишне раскопал львовский археолог А. А. Ратич. Он существовал в XII–XIII в. Ученый обнаружил могучие земляные валы, в которых сохранились остатки деревянных креплений (городен), подобных тем, которые находятся в валах Киева, Чернигова, Галича и других крупных древнерусских городов⁵⁵. В этом замке боярские слуги могли выдержать в течение длительного времени осаду сильного войска. Материалы раскопок и наша

⁵⁰ Галицко-Волинський літопис. С. 77.

⁵¹ Подробно об этом см.: Котляр М. Ф. Данило Галицький. Київ, 2002. С. 89–102.

⁵² Галицко-Волинський літопис. С. 77.

⁵³ Двоюродный брат Романовичей, белзский князь Александр Всеволодич.

⁵⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 93.

⁵⁵ Ратич А. А. Древнерусские городища в Судовой Вишне // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии. М., 1968. С. 39–41.

летопись свидетельствуют о том, что в таких замках бояре накапливали значительные запасы продовольствия и оружия.

Боярское самовластие и анархия дошли до того, что, воспользовавшись народной смутой и слабостью приведенных боярами князей Игоревичей, в Галиче в 1213 г. вокняжился... великий боярин Владислав⁵⁶! Это было неслыханным и циничным нарушением законов феодальной иерархии, согласно которым на Руси князем мог стать лишь рожденный им член династии Рюриковичей. Впервые боярин взгромоздился на княжеский стол, пусть и ненадолго. Возмущение в древнерусском обществе, да и за пределами Руси, было, вероятно, столь велико, что в следующем году его устранил венгерский король: «Володислава оковавше, ведоша въ Угры»⁵⁷.

Бояре помыкали предшественником Даниила Романовича на галицком престоле, приглашенным польским князем Лешеком в 1219 г. Мстиславом Мстиславичем из династии смоленских Ростиславичей. В последние месяцы 1227 г. стареющий князь просто сидел на галицком столе, его уже никто не слушался, а ближние бояре, вероятно, создали ему такие невыносимые условия жизни во дворце, что он был уже, кажется, рад как можно быстрее оставить и его, и стольный град Галицкого княжества. Боярский предводитель Судислав откровенно и нагло заявил Мстиславу: «Княже! Дай дщерь свою обрученную за королевича и дай ему Галичь: не можешь бо дрѣжати самъ, а бояре не хотятъ тебе»⁵⁸. Летописец, словно не понимая предательства боярами национальных интересов и суверенности княжества, бесстрастно отметил: «Мъстиславъ дасть Галичь королевичю (угорьскому. — Н. К.) Андрѣви, а самъ взя Понизие, отгуду иде к Тръцескому»⁵⁹. Мстислав Мстиславич владел частью Русской земли в Понизье Днепра и сел в городке Торческе, который он делил с ханами черных клобуков. Там он вскоре и скончался.

А Даниилу пришлось отвоевывать отцовский стол у бояр, венгров и чужеземных князей, приглашаемых боярами на галицкий престол, — только бы не допустить его в Галич. В 1238 г. галицкие бюргеры («мужи градские»), воспользовавшись отсутствием в городе боярского ставленника Ростислава Михайловича, решили пригласить Даниила на княжение. Когда он подъехал к городским воротам, горожане, по словам летописца, «пустишася яко дѣти къ отцу и яко пчелы к матцѣ, яко жажуци воды къ источнику»⁶⁰. Распорядившиеся в городе враждебные Романовичам епископ Артемий и дворский Григорий, «узрѣвшима же, яко не можета удрѣжати града, яко малодушна блюдящася о предании града, изыдоста слезными очима и ослабленнымъ лицемъ и лижуща уста своа, яко не имеюща власти княжения своего, рѣста же с нужею: “Прийди, княже Данило! Прийми градъ!”»⁶¹. В этих саркастических словах, представляющих одну из жемчужин древнерусской изящной литературы, отражено истинное отношение галичан к Даниилу Романовичу, их презрение к двоедушным коварным светским и духовным феодалам.

Но утверждение Романовичей в стольном граде их отца оказалось не окончательным. Бояре притаились и лишь ожидали удобного времени, дабы вновь восстать против своих князей. Это время настало после сокрушительного нашествия орд Батыея на западнорусские земли весной 1241 г. Когда Даниил после того, как Батый прошел через земли его княжества на Запад, вернулся в Галич, он и встретился с новым боярским бунтом. Литературно одаренный галицкий книжник ярко и эмоционально отразил события: «Бояре же галичьстии Данила княземъ собѣ называху, а сами всю землю дрѣжяху; Доброславъ же въкняжился бѣ и Судьичъ поповъ внукъ»,

⁵⁶ См.: Галицько-Волинський літопис. С. 81.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 89.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 99.

⁶¹ Там же.

и грабяша всю землю, и въшедь въ Бакату⁶², все Понизье прия, безъ княжа повеления, Григория же Васильевича себѣ горную страну Премышльскую мысляше одържати; и бысть мятежь великъ въ земли и грабежь отъ нихъ»⁶³.

Предводители двух могущественных боярских партий вскоре поссорились и... пришли на суд к князю Даниилу! Таков уж был менталитет олигархов. И они, и общество по-прежнему видели в князе законного государя, который один лишь имел право вершить суд в стране. Посоветовавшись с братом, Даниил Романович «повелѣ я изымати»⁶⁴, бросил в темницу, после чего они исчезают со страниц летописи и, надо думать, из самой жизни.

Окончательно подавил боярскую оппозицию Даниил Романович после победы в битве у галицкого города Ярослав в августе 1245 г. с венгерским и польским войсками, приведенными соперником в борьбе за галицкий стол Ростиславом Михайловичем, которого поддержали также отряды враждебных Романовичам бояр⁶⁵. Сразу же после сражения он повелел казнить предводителя одной из боярских партий Владислава и, вероятно, многих других враждебных ему бояр. После этого источники не упоминают о какой бы то ни было боярской оппозиции Романовичам вплоть до конца жизни Даниила (1264 г.).

Провидческое видение сущности социально-политической жизни на Руси эпохи раздробленности, ожесточения людей из правящего класса против народа и друг против друга, губительной роли князей в стране певец «Слова» выразил такими словами: «Усобица княземъ на поганя погыбе, | рекоста бо братъ брату: | “Се мое, а то мое же!” | И начаша князи про малое | “Се великое” мльвити, | а сами на себѣ крамолу ковати. | А погании⁶⁶ съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами | на землю Русскую»⁶⁷. В этих словах ощущается сознание безнадежности положения Руси в жестоком мире того времени. Чутье не обмануло художника. Минет лишь полстолетия, и «тьмочисленная» конница Батые огненным смерчем прокатится по Русской земле, неся смерть, разрушения и пожары (1237–1241 г.). Древнерусское государство прекратит свое более чем трехсотлетнее существование.

⁶² Галицкий порубежный город на Днестре Бакота.

⁶³ Галицько-Волинський літопис. С. 103.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 108.

⁶⁶ Половцы.

⁶⁷ Слово о полку Игореве. С. 17.